
Вторая профессия

Андрей Мамонов

The second profession

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012196-6

Новых сотрудников для «Отечественной истории» С.В. Тютюкин предпочитал искать среди молодых авторов, недавно публиковавшихся в журнале, и прежде всего — среди выпускников и аспирантов исторического факультета Московского университета. В сущности, он был глубоко университетский человек, хотя и работал всю жизнь в академических институтах. Привязанность к университету, который он окончил в далёком 1958 г., связывала его в начале XXI в. не только с Институтом повышения квалификации, где профессор Тютюкин читал лекции, но и с семинаром Л.Г. Захаровой. Он никогда не присутствовал на этих встречах, но испытывал к их участникам искреннюю симпатию, не только публикуя написанные ими статьи, но и выступая в роли оппонента на защитах диссертаций, привлекая к подготовке коллективных трудов и даже влияя на их судьбу. По-своему символичным представляется теперь и то, что Станислав Васильевич предложил мне занять место редактора отдела в журнале «Отечественная история» во время совершенно случайной встречи в декабре 2002 г. на перекрёстке проспектов Вернадского и Ломоносовского, когда он возвращался из университета, а мне нужно было отвезти туда какие-то бумажки для диссертационного дела (с момента защиты прошёл всего месяц). Столь внезапное предложение меня ошеломило, и я, не раздумывая, согласился.

Любопытно, что Станислава Васильевича совершенно не смущало полное отсутствие у будущего сотрудника редакторского (да и жизненного) опыта. Возможно, оно его даже привлекало, поскольку новый человек приходил без уже сложившихся привычек и подходов и ему было проще передать свой метод и взгляд на работу в журнале. Вместе с тем это означало, что основная нагрузка по руководству отделом ложилась на главного редактора, добровольно обрекавшего себя на дополнительный труд по обучению молодого специалиста. Мы же, благодаря Станиславу Васильевичу, фактически овладевали второй профессией.

Знакомил он нас с новым делом весьма бережно и деликатно. Мне, к примеру, ни разу не пришлось тогда почувствовать степень своей беспомощности. Лишь спустя годы пришло понимание, насколько она была велика. В затруднительных ситуациях каждый редактор всегда мог рассчитывать на спасительный совет и чёткие указания.

Первоначально Станислав Васильевич поручал мне редактировать либо статьи крупных учёных, посвящённые известным мне сюжетам (в них несложно было отыскивать неточности и даже фактические ошибки, что невольно укрепляло уверенность в собственных силах), либо тексты, с авторами которых меня связывало знакомство, либо материалы, поступавшие через Л.Г. Захарову. Всё это заметно облегчало первые шаги. К тому же объём работы был совсем не велик, а установленные сроки позволяли делать её, не спеша и не рас-

слабляясь. Учитывая более чем скромные издательские оклады, главный редактор с пониманием относился к тому, что его подчинённым приходится трудиться в двух—трёх местах, постоянно переключаясь с одного на другое.

На моей памяти ничто не нарушало хорошо отлаженный процесс. Обычно главный редактор передавал мне ту или иную рукопись для прочтения и доклада, и в следующий же присутственный день мы подробно обсуждали её достоинства и слабые стороны, целесообразность передачи на отзыв членам редколлегии или возвращения автору на доработку. Иногда она сразу же включалась в план ближайшего номера, в этом случае оговаривался размер и характер исправлений. Во время таких разговоров Станислав Васильевич никогда не выносил скоропалительных и безапелляционных суждений, напротив, он имел склонность несколько раз проговаривать возникавшие у него идеи, как бы заново их взвешивая, возвращаясь к уже решённому и давая собеседнику возможность передумать или учесть упущенные ранее из виду обстоятельства, высказать возражения и сомнения. Его по-настоящему, всерьёз интересовало, подходит ли данный текст для журнала и что можно с ним сделать — как повернуть тему, усилить её освещение, смягчить или, наоборот, заострить формулировки. В любом материале он видел потенциал для улучшения, но также знал, на чём и когда остановиться, дабы совершенствование не стало бесконечным.

Отредактированный вариант обязательно вновь поступал на просмотр к Станиславу Васильевичу. Доверяя сотрудникам, он принципиально не сравнивал его с исходным, но зато буквально усеивал страницы своими поправками, обращая внимание и на мельчайшие детали оформления, и на содержание написанного. Иногда он вычёркивал целые абзацы и излагал их своими словами, более точно и выразительно. Пожалуй, никто не редактировал так основательно и радикально, пересказывая, дописывая, сокращая, как С.В. Тютюкин. При этом он не делал различий между аспирантами, академиками, признанными корифеями, давними друзьями — лицепрятие исключалось. И тексты преобразовались: исчезали повторы, неоправданное многословие, произвольные и алогичные утверждения, невнятные и туманные формулировки, и авторскую мысль — в тютюкинской её редакции, — ничто уже не заслоняло от читателя. Те же фрагменты, где мысли не обнаруживалось, беспощадно удалялись. Переноса эти исправления в чистой экземпляр, молодой редактор вникал в их логику и перенимал технику, которой вскоре, незаметно для себя, сам начал пользоваться. К тому же эта «работа над ошибками» проходила не механически. Если исправленная фраза казалась неудачной, она вновь переделывалась вместе с главным редактором. При его занятости (не демонстрировавшейся, но для всех очевидной) подобные стилистические споры граничили с дерзостью, но он включался в них даже с радостью, поскольку видел в этом небезразличное отношение к своему труду и конечному результату. Неудивительно, что замечания литературного редактора после такой отделки бывали минимальны.

Далее подготовленный к печати текст предстояло согласовать с автором. Впрочем, эта волнительная и щекотливая процедура заметно упрощалась, как только упоминалось, что материал вычитан и поправлен Тютюкиным. Его редактуру (а вместе с тем и нашу, им санкционированную) принимали все, даже самые чувствительные к вторжению в своё творчество. Более того, несмотря на его доступность и неизменную благожелательность, с ним почти не спорили, так высоко держался его авторитет.

Характерно, что авторов столь жёсткое и неформальное редактирование не отпугивало: «портфель» журнала из года в год лишь увеличивался. Соответ-

ственно ждать публикации приходилось всё дольше, ведь объём «Отечественной истории», жёстко лимитированный издательством, оставался прежним. Чтобы сократить это длительное ожидание, делалось всё возможное. Мелкий шрифт, неудобные концевые сноски затрудняли чтение, но позволяли печатать больше статей. А сокращение каждой из них на несколько страниц за счёт риторических красот и лирическо-теоретических отступлений освобождало площадь для ещё двух—трёх человек.

Постепенно, по мере того как редактор осваивался и приобретал необходимые навыки, его нагрузка возрастала (что почти не ощущалось, поскольку выполнять её становилось легче), тематика материалов и круг авторов быстро расширялись. Росла и требовательность Станислава Васильевича, исключавшая небрежность и поверхностность в работе. В итоге, за три с половиной года под его руководством мне довелось познакомиться с исследованиями по всем разделам русской истории XIX — начала XX в., которые принадлежали учёным всех поколений из самых разных регионов и научных центров страны. Это была глубоко продуманная школа.

Вместе с тем Станислав Васильевич буквально настаивал на том, чтобы сотрудники редакции не только улучшали чужие произведения, но и публиковали в журнале собственные, причём в разных жанрах. Не успел я ещё толком приступить к исполнению своих обязанностей, как он поставил передо мной задачу в кратчайшие сроки подготовить статью на основе диссертации. Затем, опять же по его поручению, надо было учиться писать обзоры конференций, полемические отклики, рецензии и т.п.

С.В. Тютюкин дорожил академизмом «Отечественной истории», считая, что она всегда должна оставаться строгим, несколько суховатым и даже тяжеловесным (в силу своей основательности) изданием. Но именно поэтому он постоянно искал формы, способные как-то оживить и освежить эту неизбежную монотонность, разумеется, в рамках научности. Поэтому он поддерживал проведение «круглых столов», виртуозным собирателем и комбинатором которых являлся С.С. Секиринский, выпуск неожиданных по своему ракурсу проблемно-тематических подборок, посвящённых художественной литературе и кино (их вдохновителем и составителем стал тот же Сергей Сергеевич). В 2004 г. Станислава Васильевича увлекла тема «власть и интеллект», которую он понимал достаточно широко: и как взаимоотношения представителей власти и интеллектуальной элиты, и как положение интеллектуалов, попавших во власть, и как кругозор и умственные способности правящих кругов. В 2005 г. (№ 4) в рубрике «Дискуссии и обсуждения» появились размышления об этих сюжетах весьма представительной группы историков: О.Г. Агеевой, В.Я. Гросула, А.П. Корелина, Л.Ф. Писарьковой, В.Л. Степанова, В.В. Шелохаева и др. Они занимали почти половину номера. Среди них находился и очерк самого С.В. Тютюкина «Интеллект, побеждённый властью: Александр I и М.М. Сперанский» (с. 29—38). В частных беседах Станислав Васильевич не скрывал, что, помимо прочего, в этой статье вёл завуалированную полемику с А.Н. Сахаровым, в то время ещё поднимавшим на щит фигуру Александра Павловича. Тогда никто не мог и подумать о том, что всего несколько лет спустя член-корреспондент РАН будет поощрять и протектировать гаерские выходки против покойного императора, в том числе и на академических мероприятиях.

По мнению С.В. Тютюкина, «Отечественной истории» следовало активнее реагировать на выходившие книги. 3 ноября 2005 г. он говорил на заседании

редколлегии о своём намерении вдвое увеличить количество рецензий (с 8—10 до 20 в каждом номере), сделав их одновременно менее комплиментарными, более «деловыми» и критичными. Впрочем, тогда же он не без горечи признавал, что в реальности рецензии пишут всё реже и занимаются этим по большей части друзья или недоброжелатели. Тем не менее к некоторым изданиям ему хотелось привлечь особое внимание читателей. Так, он с большим воодушевлением встретил выход в свет новаторской по своему замыслу энциклопедии «Общественная мысль России XVIII — начала XX века» (М., 2005). Однако обсуждать или даже просто рецензировать этот труд казалось совершенно немислимым делом, к тому же в его создании принимало участие подавляющее большинство тех, кто мог бы выступить в роли рецензентов. Станислав Васильевич сумел найти нужных людей и уже к началу 2006 г. получил от них весьма содержательные отзывы. Мне довелось немного помогать ему в этом и затем вместе с ним редактировать пришедшие материалы, превращая их в «обсуждение», но я до сих пор не могу понять, как ему удалось осуществить задуманное.

В то же время Станислав Васильевич хотел не только разностороннего рассмотрения фундаментальных справочников, но и жарких споров о злободневной исторической публицистике. В 2006 г. он инициировал «дискуссию» об одной ныне уже давно и заслуженно забытой книге, посвящённой поискам «развилки» и альтернатив в русской истории. Желающих вчитываться в неё решительно не оказалось и полемизировать с авторами приходилось почти исключительно силами редакции, растянув публикацию на несколько номеров. Согласившись поддержать Станислава Васильевича, рассчитывавшего вызвать живую реакцию у широкого круга историков, я потом не раз пожалел, что втянулся в это дело. Мой «реакционный» (во всех смыслах) отклик писался долго, вяло, мучительно, и чем длиннее становился, тем нелепее выглядел на страницах нашего журнала. Размещать на них подобные мнения о мнениях являлось, конечно, непозволительной расточительностью. Пожалуй, единственная польза, извлечённая мною из этого предприятия, заключалась в том, что никогда больше я не брался за историческую публицистику. Читатели же даже не заметили наших усилий на этом поприще.

Кстати, именно с этой незадавшейся «дискуссией» была связана и самая острая наша размолвка со Станиславом Васильевичем. Приглашая меня в журнал, он прекрасно знал, что наши симпатии к деятелям прошлого диаметрально противоположны. Будучи человеком редкой внутренней свободы, широты мысли и внепартийности — особенно удивительной у того, кто всю свою жизнь изучал в Советском Союзе «историю партии»!, — он вместе с тем отличался строгостью правил и твёрдостью убеждений, тем, что когда-то называли «идейностью», а также приверженностью к ценностям освободительного движения и русской демократической интеллигенции. Собственно, он и сам принадлежал к числу её лучших представителей. Как настоящий историк, он критически воспринимал прошлое и трезво судил о революции и революционерах. Однако его суждения о революционной традиции во многом напоминали отношение протоиерея Г.В. Флоровского к истории Русской Церкви. Это была критика от любви, критика в сопричастности. Она позволяла, соблюдая необходимую для анализа дистанцию, сохранять живую и прочную связь с изучаемым явлением, не только видеть его со стороны, но и ощущать изнутри.

Между тем я и в аспирантские годы не скрывал своих симпатий к самодержавию и бюрократии, Николаю I и Александру II, Д.А. и Н.А. Милютиным

и гр. М.Т. Лорис-Меликову, а в чём-то и к гр. М.Н. Муравьёву, К.П. Победоносцеву и П.Н. Дурново (который всегда импонировал мне больше П.А. Столыпина). Моя первая статья в «Отечественной истории», опубликованная Станиславом Васильевичем ещё в 2001 г., не оставляла на сей счёт никаких сомнений. Но эти расхождения вызывали обычно лишь самый добродушный обмен мнениями. Многолетняя борьба с партийным доктринёрством за правду о русском марксизме вместе с природной чуткостью сделали Станислава Васильевича необыкновенно терпимым к оппонентам и по-настоящему либеральным. Несмотря на огромную разницу в возрасте, опыте и положении, мне было легко и любопытно не только внимать, но и возражать ему. Он не подавлял собеседника, но, наоборот, подталкивал его своими аргументами к новым размышлениям и поискам. Причём эти беседы, а их за четыре года было немало, никогда не выливались в пустое полемическое словопрение. Мы не пытались переубедить друг друга, но со взаимным интересом соотносили свои представления с тем, как та или иная проблема видится «с того берега». И главным условием взаимопонимания тут являлась обоснованность позиции, опора на критическое осмысление источников, искреннее желание разобраться в нашем общем прошлом, в мотивах его деятелей и сплетении обстоятельств. Это примиряло, на первый взгляд, непримиримое.

Но в тех моих рассуждениях о «развилках» альтернативной истории мимоходом говорилось о том, что даже если бы Николай I скончался в феврале 1826 г., не совершив ничего, кроме подавления военного мятежа, он и тогда заслужил бы благодарность потомков. Эта нехитрая мысль, увековеченная, кстати, на известном петербургском памятнике, где подавление бунтов на Сенатской и Сенной поставлено в один ряд с изданием Свода законов 1832 г. (первой и лучшей русской конституции) и началом строительства железных дорог, и вполне созвучная тому, что думали и писали В.А. Жуковский, Д.Н. Блудов и М.А. Корф, с которой непременно бы согласился Н.М. Карамзин, показалась С.В. Тютюкину чудовишной и едва ли не кощунственной на страницах «Отечественной истории». Он допускал любые оценки народников и большевиков, Николая II и А.Ф. Керенского, В.И. Ульянова и И.В. Сталина, М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, В.В. Путина и М.Б. Ходорковского, но «*mes amis de quatorze*» воспринимались им исключительно как возвышенные альтруисты и «богатеры», кованные из чистой стали, чьё поражение, пусть даже неизбежное, никак нельзя признавать благом и ставить кому-то в заслугу. При этом характерно, что главный редактор не диктовал свою волю (имея на это полное право), не требовал в ультимативном порядке убрать возмущившие его слова. Он искренне переживал, считал нравственным долгом в случае, если они будут напечатаны, публично протестовать в журнале вместе с другими членами редколлегии против такого заявления и в то же время не желал подвергать сотрудника столь тяжкому осуждению. Мы спорили об этом в ту самую минуту, когда нас обоих поразило известие о том, что он снят со своего поста. И если до того я был готов бороться за слова, рискуя оказаться в центре скандала, то теперь всякое упорство представлялось мне невозможным и даже неприличным. Мы быстро нашли компромиссную формулировку, в соответствии с которой высказанное мною мнение приводилось как одно из возможных и существующих наряду с совершенно иным. Текст при этом только выиграл, став более сбалансированным и объективистским.

Станислав Васильевич был удалён с должности главного редактора внезапно, вероломно и бесцеремонно. Формально срок его полномочий истёк ещё

летом 2005 г. Он представил свой отчёт на заседании Отделения историко-филологических наук РАН, которое создало комиссию для его рассмотрения и определения дальнейшей судьбы «Отечественной истории». Начался «реорганизационный период», как выразился на заседании редколлегии сам Станислав Васильевич. Но в редакции не ощущалось никаких перемен, поскольку в 2006 г. его оставили «исполняющим обязанности» (правда, уже с лета искала себе замену Ю.В. Мочалова, четверть века являвшаяся ответственным секретарём журнала). В четверг 25 января 2007 г. редакция, две трети которой составляли тогда выпускники университета, устроила скромное застолье по случаю Татьянинного дня. Во время его Станислав Васильевич рассказал, что согласно договорённостям, уже достигнутым с дирекцией Института российской истории и руководством Отделения историко-филологических наук РАН, он останется во главе журнала ещё на год, а его заместителем (вместо погибшего 14 октября 2006 г. М.А. Рахматуллина) и вероятным преемником будет А.И. Аксёнов. Мы также узнали, что уже в 2007 г. пройдёт реорганизация редколлегии, в состав которой Станислав Васильевич хотел включить, помимо С.С. Секиринского, ещё трёх редакторов (И.А. Христофорова, П.С. Стефановича и меня). Подразумевалось, конечно, что и сам он войдёт в число её членов. Тем самым предполагалось обеспечить преемственность в деятельности журнала. И казалось, ничего не предвещало стремительных перемен.

Во вторник 30 января заседал Учёный совет ИРИ РАН. Присутствовал на нём и С.В. Тютюкин. Но когда повестка дня была практически исчерпана и оставалось лишь «разное», он вернулся в свой кабинет, чтобы согласовать последние поправки перед сдачей очередного номера. Не прошло и получаса, как туда же пришли А.Е. Иванов и П.Н. Зырянов, сообщившие, что под конец заседания директор Института А.Н. Сахаров поставил вопрос о замене главного редактора «Отечественной истории» и рекомендовал назначить на эту должность А.Н. Медушевского. Растерявшийся Учёный совет тут же послушно его поддержал.

Планы, с которыми Станислав Васильевич связывал столько надежд, ментально рухнули. Он сильно побледнел от нанесённого ему удара, но полностью сохранил самообладание, спокойно, без видимого волнения и раздражения расспросил коллег об обстоятельствах случившегося, поблагодарил их за участие и вернулся к журнальным делам. Лишь завершив их, он переговорил о сложившемся положении с Ю.А. Поляковым, с которым его связывали доверительные отношения. До конца марта, пока академики не утвердили нового главного редактора, С.В. Тютюкин продолжал руководить журналом и даже успел выпустить ещё один, прощальный номер. Однако даже формального разговора между ним и А.Н. Медушевским за это время так и не состоялось. Внутренне Станислав Васильевич, конечно же, был глубоко возмущён и оскорблён поведением Медушевского и Сахарова. Как, впрочем, и все мы. В апреле директор Института представил коллективу редакции её нового начальника.

Покинув свой пост и не поддерживая отношений с Медушевским и его редколлекцией, Тютюкин продолжал навещать в журнале бывших сотрудников, помогая им ориентироваться в непростой ситуации. Поначалу в «Отечественной истории» намечалось не только переименование, но и радикальные перемены, свидетельствовавшие о неопытности и непрактичности тех, кто задумал избавить его от будто бы накопившейся инертности и избыточного консерватизма. В частности, предполагалось повысить требования к публикуемым мате-

риалам и особенно — к их теоретическому уровню. Это грозило тем, что интересные, но слишком «фактографичные» статьи заменят псевдоконцептуальные опусы, поток которых невозможно уже будет сдерживать. Тогда журнал утратил бы не только ставшее уже привычным название, но и свой дух и облик. Это необходимо было предотвратить, пользуясь тем, что большая часть редакции и редколлегии остались прежними и отнюдь не сочувствовали ломке и разрыву с прошлым. Но без нравственного одобрения и мудрых советов Станислава Васильевича сохранить его традиции и принципы работы с авторами и текстами было бы гораздо сложнее. Впрочем, и сам А.Н. Медушевский довольно быстро осознал ограниченность имевшихся у него ресурсов и стал действовать более гибко и осторожно.

Назначение в 2012 г. главным редактором «Российской истории» С.С. Секиринского С.В. Тютюкин встретил с нескрываемой радостью. Он согласился войти в состав создававшегося тогда наряду с редколлгией Редакционного совета и поддержал своим именем и участием авторитет нового органа, к которому многие отнеслись сперва с некоторым недоверием. Одновременно Станислав Васильевич живо включился в обсуждение обширных планов Сергея Сергеевича. Когда же 8 ноября 2012 г. редакция была потрясена и деморализована скоропостижной кончиной С.С. Секиринского, С.В. Тютюкин собственноручно составил объявление о ней, вывешенное в ИРИ РАН, отдав должное талантам, профессионализму и человеческим качествам покойного. В последовавшие затем тяжёлые месяцы, в течение которых журнал оставался без главного редактора, Станислав Васильевич помогал разрешать возникавшие конфликты и выстраивать отношения с авторами. Даже если его рекомендации вызывали смущение и представлялись трудноисполнимыми, редакция следовала им и потом ни разу об этом не сожалела.

С И.А. Христофоровым С.В. Тютюкин связывал самые большие надежды. В 2013—2016 гг. «Российской историей» руководил наиболее близкий и дорогой для него сотрудник. Но именно в эти годы особенно ярко проявилась деликатность Станислава Васильевича. По-прежнему переживая за судьбу журнала, он всё реже оказывал на неё прямое влияние, предоставляя молодой редакции свободу рук. Тем не менее читатели видели его фамилию не только среди членов Редакционного совета. В 2013 г. на страницах «Российской истории» обсуждалась его последняя монография, посвящённая А.Ф. Керенскому (№ 4), а в 2015 г. он сам принял участие в «диалоге» о книге О.Р. Айрапетова (№ 2). Некоторые публикации этих лет он строго критиковал и, как показала практика, оказывался прав. Однако его зрение становилось всё хуже, и это уже не позволяло обращаться к нему за отзывами так часто, как того хотели бы мы, да и он сам.

С 2015 г. Станислав Васильевич не посещал Институт, связь с ним теперь не могла быть столь тесной, как прежде. Но и тогда он оставался символом журнала и его традиций. Те же, кто благодаря ему получил вторую профессию, продолжают его дело, редактируя «Российскую историю».